

Romantic Fantasy

ПОДКИДЫШ
•
БУРЕВЕСТНИКИ
•
ОБМАНКА

PHILIPPA GREGORY
CHANGELING

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

ПОДКИДЫШ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory
CHANGELING

Copyright © 2012 by Philippa Gregory
Published by arrangement with Simon & Schuster UK Ltd
All rights reserved

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрации на переплете и форзацах *Ольги Закис*

Грегори, Филиппа.

Г79 Подкидыш / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Romantic Fantasy).

ISBN 978-5-04-097717-8

Обвиненного в ереси, изгнанного из монастыря семнадцатилетнего Луку Веро нанимает таинственный незнакомец. Теперь Лука должен нанести на карту Европы все страхи и ужасы христианского мира.

Ведомый запечатанными в конверты приказами, он прибывает в аббатство, монахи которого сходят с ума от странных видений. Быть может, в колдовстве и хаосе виновна юная настоятельница?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© И. Тогоева,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-097717-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Замок Сант-Анжело, Рим, июнь 1453 года

Стук в дверь прозвучал как выстрел в лицо. Он тут же проснулся, нащарив спрятанный под подушкой кинжал, вскочил и вздрогнул, коснувшись босыми ногами обжигающе холодного каменного пола. Ему снились родители, любимый старый дом, и он даже зубами скрипнул, так больно сжалось сердце от тоски по всему тому, что он потерял: по родине, по матери, по прежней, счастливой жизни.

Громоподобный стук в дверь повторился. Пряча за спиной кинжал, он осторожно подошел к двери. С той стороны засов отодвинули, и дверь приоткрылась — он с опаской выглянул наружу. Там он увидел господина в темном плаще с низко опущенным капюшоном; рядом с ним стояли двое коренастых слуг с горящими факелами в руках. Один из них, подняв свой факел повыше, осветил приоткрытую дверь и стройного, обнаженного по пояс юношу в узких штанах. На вид ему было лет семнадцать. Лицо совсем мальчишеское; красивые, орехового цвета глаза с недоумением смотрели из-под

темной челки; но тело крепкое, мускулистое — тело молодого мужчины, закаленного тяжким трудом.

— Лука Веро?

— Да.

— Тебе придется пойти со мной.

Юноша явно колебался, и господин в плаще прибавил:

— Не глупи. Нас трое, а ты один, хоть ты и прячешь за спиной кинжал. С нами тебе не справиться.

— Это приказ, а не просьба! — рявкнул второй незнакомец. — А ты присягал на верность.

Лука и впрямь присягал на верность, но своему монастырю, а вовсе не этим незнакомцам. Впрочем, из монастыря его выгнали, и с тех пор он, похоже, обязан был подчиниться любому, кто ему прикажет достаточно громко и решительно. Он вернулся к своей постели, присел на краешек и стал натягивать сапоги из мягкой кожи, незаметно спрятав кинжал за голенище; затем надел льняную рубашку, накинул на плечи сильно поношенный шерстяной плащ и нехотя подошел к двери.

— Вы кто? — спросил он, но человек в темном плаще ему не ответил и, круто развернувшись и не оглядываясь, пошел по коридору, а двое стражников, дождавшись, когда Лука выйдет из камеры и последует за их командиром, двинулись сзади. — Куда вы меня ведете?

Но и стражники ответом его не удостоили. Лука хотел еще спросить, не арестован ли он,

не ведут ли его напрямиком к месту казни, но так и не осмелился. Он боялся уже самого этого вопроса, а еще больше — что возможный ответ может оказаться положительным. Он весь взмок от страха под старым шерстяным плащом, хотя воздух был прямо-таки ледяным, да и от влажных каменных стен так и тянуло холодом.

Лука понимал одно: с ним случилась самая большая беда за всю его недолгую жизнь. Не далее как вчера четверо мужчин в темных плащах с низко надвинутыми капюшонами увели его из монастыря и бросили в эту тюрьму, ничего ему не объяснив и вообще не сказав ни единого слова. Он понятия не имел ни где находится, ни кто его арестовал, ни какие обвинения могут быть ему предъявлены, ни как его могут наказать за неведомое ему преступление. Может, его просто подвергнут порке, а может, станут пытаться или убьют?

— Я настаиваю на свидании со священником, мне нужно исповедаться... — пролепетал он.

Но незнакомцы не обращали ни малейшего внимания на его слова и лишь время от времени его подталкивали, заставляя идти дальше по узкому каменному коридору. Вокруг стояла полная тишина; по обе стороны коридора виднелись закрытые двери тюремных камер. Лука никак не мог толком понять, что это — тюрьма или монастырь, так там было холодно и тихо. Полночь давно миновала, и в непонятном здании царили тьма и безмолвие. Стражники, сопровождавшие Луку, тоже старались не шуметь;

когда коридор закончился, они спустились по каменной лестнице в просторный зал, миновали его и снова пошли по узкой винтовой лесенке куда-то во тьму, сгущавшуюся, казалось, с каждым шагом. Становилось все холоднее, и Лука снова не выдержал:

— Я хочу знать, куда вы меня ведете! — И почувствовал, что голос его дрожит от страха.

Ему, разумеется, никто не ответил; но стражник, шедший сразу за ним, придвинулся еще ближе, дыша ему в затылок.

Ближе к подножию лестницы Лука различил в темноте небольшой арочный проход и тяжелую запертую дверь. Незнакомец в черном плаще, шедший впереди, достал из кармана ключ, отпер эту дверь и жестом велел Луке переступить порог. Лука, не решаясь войти, чуть замешкался, и тот могучий стражник, что шел позади, попросту вдавил его в дверной проем.

— Я настаиваю... — еле слышно выдохнул Лука и тут же, получив очередной мощный пинок в спину, оказался по ту сторону двери. Он даже охнул от ужаса, обнаружив, что стоит на самом краю высокого узкого причала, а далеко внизу на поверхности реки покачивается лодка. Где-то вдали неясной полоской виднелся противоположный берег. Лука отшатнулся, охваченный тошнотворным ощущением того, что эти люди в темных плащах с удовольствием столкнули бы его прямо на острые камни внизу, чтобы не возиться с ним и не заставлять его спускаться по крутой лестнице к лодке.

Однако тот, что шел впереди, легко сбежал вниз по мокрым ступеням и, шагнув в лодку, что-то сказал человеку, который стоял на корме, ловкими движениями одного-единственного весла удерживая суденышко на месте и не позволяя мощному течению закрутить его и унести. Затем мужчина в черном плаще вновь повернулся к смертельно-бледному Луке и приказал:

— Иди сюда.

Луке оставалось только подчиняться. Он покорно спустился по скользким ступеням, забрался в лодку и уселся на носу. Стражники остались на причале, а лодочник, ловко развернув суденышко, вывел его на середину реки и позволил течению нести ее вдоль городской стены. Лука смотрел на темную воду и думал, что, если бы ему удалось перекатиться через борт, можно было бы, воспользовавшись придонным течением, переплыть реку под водой, выбраться на тот берег и сбежать. Но течение казалось таким быстрым, что он понимал: скорее всего, он попросту утонет, если они не успеют выловить его из воды, а уж когда они снова его схватят, то наверняка вышибут из него дух, треснув веслом по голове.

— Господин мой, — обратился он к человеку в черном плаще, стараясь говорить спокойно, с достоинством, — могу ли я хотя бы теперь узнать, куда мы направляемся?

— Ты сам это скоро поймешь, — суровым тоном ответил тот. Река неслась как бешеная в узких берегах крепостного рва, опоясывавше-

го высокие городские стены. Лодочник старался плыть как можно ближе к стене, прячась в ее тени от дежуривших наверху часовых. Вскоре впереди показались темные очертания мощного каменного моста, и Лука увидел прямо перед собой забраный решеткой арочный проход. Как только лодка ткнулась в решетку носом, та бесшумно скользнула вверх, и одного умелого взмаха веслом оказалось достаточно, чтобы они попали внутрь какого-то странного помещения, залитого светом факелов.

Охваченный новым, еще более сильным приступом страха, Лука пожалел, что все же не решился попытаться счастья и прыгнуть в реку. Их окружили с полдюжины мужчин весьма мрачного вида, явно поджидавшие именно их, и едва лодочник успел ухватиться за потертое кольцо, вделанное в стену, как эти люди выдернули Луку из лодки, поставили на ноги и подтолкнули в сторону какого-то узкого темного коридора. Он скорее почувствовал, чем увидел по обе стороны от себя толстые каменные стены, а под ногами гладкий деревянный пол. Лука шагал, отчетливо слыша в тишине собственное дыхание, ставшее хриплым от с недавнего его страха. Они прошли совсем немного и остановились перед массивной деревянной дверью, один раз постучали и стали ждать.

Потом откуда-то из-за двери донеслось: «Входите!» — и сопровождавший Луку стражник, настежь распахнув дверь, с силой втолкнул его внутрь. Лука вошел и тут же замер с бешено

бьющимся сердцем, ослепленный неожиданно ярким светом — в помещении горели по меньшей мере несколько дюжин восковых свечей. Дверь у него за спиной тихо закрылась, и он, проморгавшись, увидел, что прямо перед ним за столом сидит какой-то человек, склонив голову над ворохом исписанных листов.

Больше в помещении он никого не заметил. Человек за столом был в роскошном бархатном плаще темно-синего цвета, казавшегося почти черным; низко надвинутый капюшон полностью скрывал его лицо. Лука стоял как вкопанный и судорожно сглатывал, пытаясь подавить охвативший его страх. «Что бы ни случилось, — думал он, — я не стану униженно молить этих людей сохранить мне жизнь! Я постараюсь собрать все свое мужество и лицом к лицу встречу то, что меня здесь ожидает, даже самое страшное. Я не стану хныкать, точно девчонка, я не посрамлю ни себя, ни своего стойкого, мужественного отца!»

— Ты, конечно же, хочешь знать, почему ты здесь оказался, что это за место и кто я такой? — спокойно сказал человек, сидевший за столом. — Все это я тебе объясню. Но прежде ты должен дать мне подробный ответ на каждый из тех вопросов, которые я сейчас задам. Ясно?

Лука кивнул.

— Только ни в коем случае не лги. Здесь твоя жизнь буквально висит на волоске, а догадаться, какие именно ответы мне хотелось бы от тебя услышать, ты никак не можешь. Так что имей

в виду: лучше отвечать правдиво. С твоей стороны было бы весьма глупо погибнуть из-за собственной лжи.

Лука попытался кивнуть, но не сумел, такая сильная его была дрожь.

— Тебя зовут Лука Веро, ты послушник монастыря Святого Ксаверия и был принят туда в возрасте одиннадцати лет, так? Три года назад ты стал сиротой, ибо родители твои умерли. Тебе тогда было четырнадцать, верно?

— Мои родители не умерли, а пропали, — возразил Лука и с трудом прокашлялся. — Они, возможно, и сейчас еще живы. Они были захвачены оттоманами¹ и проданы в рабство, но убитыми их никто не видел. И никто не знает, где они теперь. Но я надеюсь, что они все же остались в живых.

Инквизитор что-то быстро пометил на лежавшем перед ним листке. Лука следил за концом черного пера, быстро царапавшего по бумаге.

— Значит, ты все еще надеешься, — сказал инквизитор. — Надеешься, что твои родители живы и вернутся к тебе. — И слова эти прозвучали так, словно подобная надежда — либо величайшая глупость, либо полное безумие.

— Да, надеюсь.

¹ В средневековой Европе так называли турок. Оттоманская (Османская) империя сложилась в XV—XVI веках в результате турецких завоеваний в Азии, Европе и Африке. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ты был воспитан святыми братьями, ты поклялся в верности их ордену, и все же ты называл подделкой — сперва в разговоре со своим духовником, а затем и с настоятелем монастыря — священную реликвию, которую они столь бережно хранят: ноготь распятого Христа.

В монотонном голосе инквизитора явственно звучало обвинение. Лука понимал, что это обвинение — в ереси, учитывая перечисление совершенных им проступков. И отлично знал, что единственное наказание за ересь — смерть.

— Я не имел намерения...

— Почему ты утверждал, что эта драгоценная реликвия — подделка?

Лука старался смотреть то на носки своих сапог, то на темный деревянный пол, то на тяжелый стол, то на оштукатуренные стены — куда угодно, только не в мрачное лицо того, кто тихим голосом задавал ему сейчас эти вопросы.

— Я обязательно попрошу у нашего настоятеля прощения и готов понести любое наказание, — сказал он. — Я вовсе не имел намерения высказывать еретические сомнения. Клянусь Господом, я не еретик. Я не хотел ничего плохого...

— Это мне судить, еретик ли ты. Я видел юношей и помоложе тебя, сделавших и сказавших куда меньше, чем ты, но и они потом на дыбе, рыдая, молили о снисхождении, когда с хрустом стали выворачиваться их суставы. Я не раз слышал, как взрослые мужи, куда умнее и лучше тебя, умоляли поскорее сжечь их

на костре, ибо страстно мечтали о смерти как единственном избавлении от страшных мук.

Лука лишь покачал головой при мысли о святой инквизиции, способной решить его судьбу и вынести ему любой приговор именем Господа. И не осмелился вымолвить ни слова.

— Почему ты сказал, что реликвия — подделка? — повторил свой вопрос инквизитор.

— Я не хотел...

— Почему ты так сказал?

— В монастыре хранится кусочек Его ногтя, причем в длину он никак не меньше трех дюймов, а в ширину примерно четверть дюйма, — неохотно заговорил Лука. — Он достаточно велик, чтобы его можно было хорошо разглядеть, хотя теперь он оправлен в золотую раму, инкрустированную самоцветами. Но размеры его определить по-прежнему можно.

Инквизитор кивнул.

— И что же?

— В аббатстве Святого Петра тоже есть ноготь распятого Христа. И в аббатстве Святого Иосифа тоже. Я не раз ходил в монастырскую библиотеку, пытаясь выяснить, есть ли еще где-нибудь кусочки Его ногтей, и оказалось, что только в Италии их около четырех сотен, а во Франции еще больше; есть они и в Испании, и в Англии...

Инквизитор неприязненно молчал, явно ожидая продолжения.

— Я подсчитал примерную площадь этих кусочков, — несчастным тоном продолжал Лука. —

И представил себе, какими должны были быть ногти, разломанные на столько кусков. Это же просто невозможно! Просто невозможно, чтобы столько реликвий было получено из ногтей *одного* распятого Христа. В Библии говорится: по одному ногтю с каждой руки и один с ноги. Значит, всего три. — Лука глянул в сумрачное лицо допрашивавшего его человека. — Это ведь не богохульство, ведь это написано в Библии. Нет, я не думаю, что это богохульство. А в Библии ясно сказано... И потом, если прибавить к этому количество ногтей, использованных при создании святого распятия — а их было четыре в центральной части, они поддерживают поперечную перекладину, — то получается всего семь. Всего семь ногтей. Пусть каждый ноготь был даже пять дюймов в длину. Тогда для создания святого распятия было использовано примерно тридцать пять дюймов ногтей. Но ведь имеются тысячи таких реликвий. Речь не о том, является ли подлинным каждый ноготь или его кусочек. Не мне об этом судить. Но я никак не могу смириться с очевидностью того, что этих ногтей *слишком* много для одного распятого.

Инквизитор по-прежнему не произносил ни слова.

— Это же просто числа, арифметика, — беспомощно пролепетал Лука. — Я пытался оперировать только числами. Я вообще очень часто о них думаю — они меня страшно интересуют.

— И ты взял на себя смелость решить этот вопрос с помощью чисел? Ты имел наглость ут-